

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.15>

UDC 94(47+57)«1921/1923»
LBC 63.3(2)613-2

Submitted: 23.08.2023
Accepted: 07.02.2024

SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES AND CHILDREN OF THE VOLGA REGION RESETTLED TO THE SMOLENSK PROVINCE IN 1921–1923

Natalia A. Mitsyuk

Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation;
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The achievements and failures of the Soviet government aimed at combating Volga region famine in 1921–1922 had an impact on social policy in the first decade of the Soviet state. The study of the experience of social policy in relation to families and children evacuated from the Volga region is becoming especially relevant in modern conditions of searching for effective forms of social assistance to families trapped in areas of natural disasters and military conflicts. *Methods and materials.* The publication is based on numerous archival records, which contain documents on the organization of social work with families and children of the Volga region, resettled in 1921–1923 in the Smolensk province. The key methods were source analysis, methods of everyday history, and microhistory. The documents of the funds of the provincial and district commissions for helping the starving in the Volga region and the provincial and district health departments of the State Archives of the Smolensk region were studied. *Analysis.* The Centrally developed plan for the evacuation of refugees went out of control in the first months due to a lack of local funds and an uncontrolled flow of refugees. The main efforts in the region were thrown at the organization of social work with evacuated children. Working with arriving children has become a serious test for local authorities. All financial costs for the maintenance of refugees fell on the region. The number of children who arrived in the province exceeded the planned values by more than 2 times. For the first time in the region, a new model of charity was tested, which consisted of the mass and mandatory participation of all groups of the population and foreign organizations. The main methods of working with children were placing them in specialized orphanages, opening sectoral orphanages, insulators and distributors, and placing children in foster families. The forced abandonment of children by refugee parents in order to save them from starvation has become widespread. Temporary delivery of children to peasant families for agricultural work was practiced. Bureaucratic mistakes, interdepartmental inconsistency, and local negligence led to poor provision of children with food, clothing, and medical care. Indirect data indicate high infant mortality. Many children remained in shelters in Smolensk and were not re-evacuated. *Results.* The archival material of the Smolensk region showed the difficulties of practical implementation of the plan of assistance to resettled families developed by the central authorities, the need for a flexible approach on the ground, and taking into account regional specifics. *Funding.* The study was supported by grant No. 24-18-00212 from the Russian Science Foundation “Women’s family memory in Russia of the 18th and 21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission”.

Key words: Volga region famine, children of the Volga region, “famine refugees”, protection of motherhood and childhood, social policy of the Soviet government, evacuation of refugees, American Relief Administration.

Citation. Mitsyuk N.A. Social Assistance to Families and Children of the Volga Region Resettled to the Smolensk Province in 1921–1923. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 176-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.15>

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ И ДЕТЯМ ПОВОЛЖЬЯ, ПЕРЕСЕЛЕННЫМ В СМОЛЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ В 1921–1923 ГОДАХ

Наталья Александровна Мицюк

Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Российская Федерация;
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Достижения и просчеты советской власти, направленные на борьбу с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг., оказали влияние на социальную политику в первое десятилетие существования советского государства. Изучение опыта социальной политики в отношении семей и детей, эвакуированных из Поволжья, становится особенно актуальным в современных условиях поиска эффективных форм социальной помощи семьям, оказавшихся в зонах природных бедствий и военных конфликтов. *Методы и материалы.* Публикация основана на широком круге архивных делопроизводственных материалов, в которых содержатся документы об организации социальной работы с семьями и детьми Поволжья, переселенными в 1921–1923 гг. в Смоленскую губернию. С использованием методов источниковедческого анализа, повседневной истории, микроистории были изучены и впервые введены в научный оборот документы фондов губернских и уездных комиссий Помгола и Послеголода, губернских и уездных отделов здравоохранения Государственного архива Смоленской области. *Анализ.* Централизованно разработанный план привязки голодающих губерний к урожайным регионам вышел из-под контроля в первые месяцы эвакуации по причине нехватки финансовых средств на местах и неконтролируемого потока беженцев. Основные усилия в регионе были брошены на организацию социальной работы с эвакуированными детьми. Количество прибывших в губернию детей более чем в 2 раза превышало плановые значения. Содержание эвакуированных в полном объеме должно было финансироваться на местах. Впервые в регионе была опробована новая модель благотворительности, которая состояла в массовом и обязательном участии всех групп населения. Ключевой формой социальной работы с переселенными детьми стало их размещение в специализированных детских домах. Нехватка мест в приютах способствовала распространению отдачи детей на патронатное воспитание. Широкое распространение получил вынужденный отказ родителей-беженцев от детей с целью спасения их от голодной смерти. Практиковалась временная отдача детей в крестьянские семьи для сельскохозяйственных работ. Бюрократические проволочки, межведомственная несогласованность, халатность на местах приводили к плохому обеспечению детей питанием, одеждой и медицинской помощью. Косвенные данные свидетельствуют о высокой детской смертности. Многие дети остались в приютах Смоленска и не были реэвакуированы. *Результаты.* Архивный материал Смоленской области показал сложности практической реализации разработанного центральными органами власти плана помощи переселенным семьям, необходимости гибкого подхода на местах и учета региональной специфики. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XX вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

Ключевые слова: голод в Поволжье, дети Поволжья, «голодбеженцы», охрана материнства и детства, социальная политика советской власти, эвакуация беженцев, Американская администрация помощи.

Цитирование. Мицюк Н. А. Социальная помощь семьям и детям Поволжья, переселенным в Смоленскую губернию в 1921–1923 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 176–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.15>

Введение. Голод 1921–1922 гг. в Поволжье – одно из драматичных событий российской истории XX века. В зоне бедствий в РСФСР оказалось 35 губерний, с населением около 90 млн человек. Трагические события, развернувшиеся в Поволжье, заставили советскую власть принимать экстраординарные действия

для спасения населения пострадавших регионов. Достижения и неудачи реализуемых мер оказали существенное влияние на формирование очертаний социальной политики в первое десятилетие советской власти. В современных условиях обострения проблемы беженцев, поиска эффективных форм социальной помощи семьям, ока-

завшихся в зонах природных бедствий и военных конфликтов, изучение опыта социальной политики семьям и детям, эвакуированным из Поволжья, становится особенно актуальным.

Основной массив работ, связанных с изучением голода в Поволжье, сосредоточен вокруг анализа причин, степени размаха трагедии, численности голодавших и умерших, размеров помощи нуждавшимся регионам, оценок последствий голода [1; 5; 25]. В.А. Поляков рассматривал борьбу с голодом в Поволжье в качестве первого опыта массовой государственной помощи советской власти [26]. Если среди основных причин разразившегося голода он выделял человеческий фактор [25], то в последние годы в исследованиях акцент делается на социоприродном факторе [5]. Новаторскими выглядят работы, основанные не на официальных документах и отчетах, а на автодокументальных источниках, которые дают возможность услышать «голос» людей, непосредственно пострадавших от голода [36]. Эвакуация населения в урожайные губернии, по мнению исследователей, являлась исключительной мерой [37], но в то же время она стала ключевой по спасению детей Поволжья. В литературе крайне редки исследования, направленные на изучение данного сюжета [35; 37]. В работах по истории детства «эпохи катастроф» [15; 31; 38] практически не нашло отражение исследование социальной помощи в регионах в отношении детей-переселенцев, а также влияния этого события на формирование советской социальной политики в области охраны материнства и детства.

Цель данной публикации состоит в изучении организации социальной помощи детям Поволжья в Смоленской губернии в 1921–1923 гг., куда было переселено значительное число «голодбеженцев». Города Смоленской губернии стали важнейшими железнодорожными пунктами, через которые проводилась эвакуация населения на территории западных регионов РСР, затем РСФСР, БССР, а также за границу (Чехословакию). Смоленская губерния занимала особое стратегическое положение. Здесь были размещены центральные учреждения Запфронта, которые также были вовлечены в организацию эвакуации населения. Нам важно понять, насколько быстро были выработаны различные формы социальной помощи в отношении детей,

с какими сложностями сталкивались местные органы власти, какие новые формы социальной работы впервые были опробованы на местах, насколько они были эффективными.

Методы и материалы. Ключевыми исследовательскими методами явились методы работы с архивными материалами (архивно-эвристический, метод источниковедческого анализа), нацеленные на поиск и систематизацию изучаемой тематики в архивных делах; методы повседневной истории, интерпретативного и дискурсивного анализа, направленные на изучение соответствующих государственных реформ и административных преобразований для понимания формирующейся новой социальной политики и структур повседневности. Мы полагаем, что для изучения макропроцессов важным является применение микроисторического подхода с учетом анализа различных дискурсов. Исследование основано на архивных материалах Смоленской губернии, впервые вводимых в научный оборот. В общей сложности было изучено свыше 200 дел фонда комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья (Ф. 1327), фондов уездных комиссий по оказанию помощи голодающим Поволжья, губернских и уездных отделов здравоохранения, на которые легла основная нагрузка по реализации социальных мер, направленных на оказание помощи семьям и детям из Поволжья, фонда Смоленской губернской комиссии по борьбе с последствиями голода («Послеголод». Ф. Р-8), а также фондов профсоюзных, отраслевых организаций, которые активно привлекались к участию в решении данного вопроса.

Анализ. Социальная политика органов центральной власти по организации эвакуации населения Поволжья. Социальная политика в отношении населения голодающих регионов выстраивалась централизованно. Местные органы власти действовали по инструкциям, присылаемым сверху, и полностью им следовали. В то же время обращение к региональному материалу позволяет сформировать понимание того, насколько социальная политика, инициируемая сверху, была эффективна. 17 февраля 1921 г. была образована Комиссия по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая [33, с. 143]. Комиссия должна была

заниматься изучением вопроса и наблюдением за мероприятиями по оказанию помощи голодающим на местах. 18 июля 1921 г. была сформирована Комиссия помощи голодающим [33, с. 617–618], которая 20 октября 1921 г. стала именоваться Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) [33, с. 914–915]. Главная задача ЦК Помгол состояла в руководстве, объединении и согласовании деятельности всех центральных и местных исполнительных органов власти, а также российских и зарубежных общественных организаций. 21 июля 1921 г. был сформирован общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), куда вошли представители власти, общественные деятели и ученые. По всей стране должны были сформироваться губернские и уездные комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья, которые встраивались в систему социальных учреждений региональной власти. Местные комиссии ликвидировались согласно постановлению ВЦИК 7 сентября 1922 года. Вместо Помгола при ВЦИК была организована Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода (Последгол).

Одной из ключевых мер, направленных на помощь голодающим, стала политика переселения особо уязвимых категорий населения – многодетных семей, детей, в урожайные губернии России. Центральной комиссией Помгол при ВЦИК был разработан план привязки «благополучных губерний к голодающим регионам», который директивно был разослан в регионы.

Организация эвакуации «голодбеженцев» в Смоленскую губернию. Согласно плану, Смоленская губерния должна была принять и оказать помощь «голодбеженцам» из Саратовской губернии. В августе 1921 г. была создана Смоленская губернская комиссия по оказанию помощи голодающим Поволжья, которая просуществовала до 7 октября 1922 года. При центральных учреждениях Запфронта, располагавшихся в Смоленске, также была образована Особая фронтовая комиссия помощи голодающим. Важнейшим учреждением, осуществляющим социальную помощь семьям и детям, прибывающим из Поволжья, стали подотделы охраны материнства и младенчества. В октябре 1921 г. была сфор-

мирована Детская комиссия помощи голодающим в г. Смоленске [4].

Современные историки указывают на то, что план эвакуации фактически провалился в первые месяцы переселения «голодбеженцев» главным образом по причине нехватки железнодорожных составов и невозможности контролировать потоки переселенцев [34]. В Смоленской губернии особенно катастрофически складывалась ситуация зимой 1921–1922 гг. [28]. Беженцев прибывало значительно больше, чем было запланировано. Помимо Саратовской губернии, «голодбеженцы» приезжали из других регионов, вне планового переселения – из Башкирии, Самарской, Симбирской, Казанской, Рязанской, Нижегородской, Оренбургской губерний. Среди губерний числились те, которые официально не были включены в разряд «голодающих», что косвенно могло свидетельствовать о географическом размахе трагедии. Помимо организованных эшелонов в губернию прибывали «самотеком» на товарных, почтовых поездах, в одиночку и группами. Среди беженцев – немцы-колонисты из Самарской губернии. По приблизительным подсчетам через Смоленск за сентябрь 1921 – январь 1922 г. прошло 221 эшелон с 208 897 беженцами [28]. Ключевой проблемой на местах являлось отсутствие у регионов достаточных финансовых средств. Неспособность местных органов власти контролировать потоки беженцев, нехватка минимального обеспечения эвакуированных питанием и медицинской помощью приводили к высокой смертности среди «голодбеженцев». Тяжелобольных, изнеможенных голодом людей не снимали с составов, они замерзали и умирали в вагонах, после чего их сбрасывали на пути [28, л. 9]. Официально зимой 1921 г. властями губернии было зафиксировано более 900 трупов вдоль железнодорожных путей. Проблема с санитарно-эпидемиологической ситуацией, необходимостью сбора и захоронения трупов была настолько острой, что вынуждены были вмешаться органы НКВД.

Одним из самых сложных вопросов было размещение «голодбеженцев» и обеспечение их продовольствием. При разработке плана эвакуации не был учтен факт транзитного передвижения «голодбеженцев». Значительное число эвакуированных проезжали транзитом

через Смоленск в города БССР. «Изнеможенные от голода и холода люди» [28, л. 9], тяжелобольные беженцы оставались на железнодорожном вокзале. Условия их размещения были антисанитарными, не было предусмотрено обеспечение их питанием и теплыми вещами. Людей размещали в казармах вблизи от вокзала, в подвальных помещениях гостиниц, в городских бараках, общежитиях. Условия жизни были тяжелейшими, о чем сообщали специальные комиссии: «В самом помещении холод такой, как на улице... На грязных нарах, закутанные в лохмотья сидят и лежат больные и здоровые, но истощенные от голода, беженцы, все вмести взрослые и дети. Под нарами груды мусора... Была обнаружена мертвая девочка, лежащая вместе с живыми и некому было ее убрать, так как родители ее увезены в больницу, она осталась одна и умерла от голода. Беженцы сами не в состоянии ходить» [23, л. 140]. В губернии отсутствовали ресурсы по налаживанию питания беженцев. Зачастую они жили исключительно на подавания. Многие из эвакуированных были настолько ослаблены, что не могли не только работать, но и самостоятельно передвигаться. Среди беженцев вспыхивали различного рода заболевания (сыпной тиф, туберкулез, педикулез, чесотка). Смертность была чрезвычайно высокой. Основные усилия социальной работы в регионах были брошены на организацию помощи детям, самостоятельно, без родителей, прибывавшим в губернию.

Эвакуация голодающих детей Поволжья в Смоленскую губернию. По официальным данным, на 21 декабря 1921 г. из голодающих губерний было вывезено 56 355 детей. К апрелю 1923 г. в учреждениях Наркомпроса и Наркомздрава РСФСР находилось уже 316 866 детей [30]. Смоленская губерния сделала заявку на принятие 1 500 детей, но их поступало значительно больше. Установить точное количество детей практически невозможно, данные неполны и зачастую противоречивы. Беженцев часто переводили в другие города и губернии и в связи с этим данные постоянно менялись. Дети прибывали не только из Саратовской, но и из Самарской, Симбирской, Казанской, Оренбургской, Нижегородской губерний, Башкирии. В прессе сообщалось, что к концу 1921 г. прибыло 4 сан-

поезда с 1 743 детьми [3, с. 5]. Можно согласиться с выводами Т.М. Смирновой о том, что эвакуация детей из голодающих регионов не имела успеха [32]. В регион поступало большое число детей «самотеком». Только к концу 1921 г. было зафиксировано более 600 детей, приехавших в Смоленскую губернию не организованно [3, с. 5].

В архивных фондах сохранились документы, в которых содержатся карточки, составленные на прибывавших в губернию детей. Данные карточек косвенно свидетельствуют об их численности. На октябрь 1922 г. были составлены карточки на 1 970 детей, которые были распределены только в Смоленске [8; 9]. В один Горецкий уезд (до 1919 г. относился к Могилевской губернии, но в ходе политики районирования в 1922 г. был включен в состав Смоленской губернии) были распределены 1 019 детей [17, л. 5]. Реальную численность эвакуированных детей сложно установить. По сохранившимся архивным документам, их численность составила не менее 3 000 человек. Среди беженцев были полные сироты, а также дети, чьи родители, оставшись в голодающих регионах, отправляли своих детей подальше от зоны бедствий. У многих детей родители умирали в пути, в связи с чем в Смоленскую губернию они прибывали в статусе детей-сирот.

Нередко сами дети умирали в пути. По сообщениям очевидцев, «обессиленные дети валялись на железнодорожных путях» [28, л. 77]. В редких случаях их удавалось обнаружить и спасти. К примеру, девочка Мария 2 лет была обнаружена на путях сотрудником городской милиции. Ее направили в детский приют, в котором она была записана под фамилией «Милицейская» [7, л. 4]. Местные власти не были в состоянии оперативно размещать детей и предоставлять им медицинскую помощь.

Сложности местных органов власти в реализации социальной помощи эвакуированным детям. Местные власти с большим трудом справлялись с возложенными на них обязанностями по размещению и организации быта «голодбеженцев». Новая советская социальная политика находилась в стадии формирования соответствующих социальных учреждений, разделения областей компетен-

ций, поиска источников финансирования. Тяжелыми были социально-экономические последствия Первой мировой войны, гражданской войны и политики военного коммунизма. К началу 1920-х гг. в губернии только появлялись социальные учреждения, призванные координировать социальную политику в области защиты семьи и детства. Делопроизводственные документы свидетельствуют о несогласованности действий, многочисленных бюрократических проволочках, столкновении интересов между органами местной власти (социальными отделами, отделами здравоохранения, подотделами охраны материнства и детства, женотделами). Выстраивалась сложная бюрократическая система, которая не могла эффективно реализовывать социальную политику на местах. К началу 1920-х гг. в губернии тяжелым было социальное положение семей, стремительно увеличивалось число беспризорных детей и детей-сирот, росла детская смертность [14]. Крайне сложная ситуация в области охраны материнства и детства усугублялась с ростом числа беженцев. В экстремальных условиях они вынуждены были перестроить свою работу и бросить все усилия на организацию социальной помощи прибывавшим детям [11, л. 104].

Для местной власти наиболее острой была проблема финансирования. Новая модель социальной помощи предполагала, что содержание соответствующих учреждений должно полностью ложиться на местные органы власти и население региона. Необходимость организации масштабной социальной помощи беженцам застала региональные власти в крайне затруднительном положении. Совместно с центральными органами власти регионы должны были собирать средства для помощи населению Поволжья, а также самостоятельно вести сборы и организовывать быт эвакуированных «голодбеженцев». При отсутствии централизованного государственного финансирования встал вопрос о широком привлечении общественных и частных средств. На местах формировалась структура по реализации сбора средств в пользу голодающих Поволжья. Для оперативного сбора средств в регионах создавались тройки помощи голодающим. Активизировать сборы средств должны были специально под-

готовленные «агитаторы» [11, л. 1–3]. Для привлечения общественных и частных средств устраивались Всероссийские недели голодающим Поволжья, кружечные сборы, недели помощи голодающим детям Поволжья. Однако первые месяцы сбора показали, что добровольное участие в пожертвованиях не приводит к желаемым результатам. Случайные сборы средств были признаны неэффективной мерой. В связи с тем, что советская власть рассматривала «буржуазный вариант» филантропии и благотворительности в качестве пережитка старого порядка, привлечение общественных и частных средств стало реализовываться через систему массового участия трудящихся и крестьян через различные организации и сообщества и принимало характер добровольно-принудительный. Были установлены ежемесячные нормы отчислений в пользу голодающих для всех рабочих, служащих и красноармейцев, подчеркивалось, что «все учреждения и предприятия отчисляют в помощь голодающим» [11, л. 117]. Если рабочий или служащий имел государственный паек, то с него вычитали 5 % от жалования и 10 % от пайка, в ином случае отчисления составляли 18 % от жалования. Вводился принцип «10 сытых кормят одного голодного». Неработающее население участвовало в кружечных сборах. Сбор средств осуществлялся не только в профсоюзах, сельских комитетах взаимопомощи, на базарах, но и на каждой мельнице был установлен специальный ящик, куда необходимо было отсыпать зерно для помощи беженцам [11]. Для торговцев вводился обязательный натуральный налог в помощь голодающим [21, л. 9]. Устанавливались обязательные лимиты добровольной помощи. Эти сборы проходили параллельно со сбором продналога, который заменил продразверстку во время политики нэпа. В условиях добровольно-принудительного сбора общественных и частных средств в пользу голодающих Поволжья в губернии началось принудительное изъятие церковных ценностей, а также ценностей, находившихся в костелах и синагогах [6].

Отсутствие четких инструкций и делопроизводственная путаница приводили к тому, что местные власти все собранные зимой 1921 г. средства, составившие 108 745 659 руб. 50 коп.,

направили в центральный комитет Помгола, в то время, как часть этих средств должна была оставаться на местах для организации питания и снабжения одеждой беженцев [23, л. 15]. Это обострило ситуацию с обеспечением беженцев.

В сложнейших условиях советское правительство допустило возможность использовать помощи западных стран [29, л. 42]. При этом подчеркивалось, что эта помощь должна носить ограниченный характер [11, л. 1]. В соответствии с «Рижским соглашением» от 20 декабря 1921 г. Советское государство согласилось принять помощь от иностранных организаций, что рассматривалось выражением «международной солидарности трудящихся» в оказании помощи «голодающему населению Поволжья» [27].

Организация быта эвакуированных детей. Первоначально прибывавших детей Поволжья размещали в существующие детские приюты Смоленска и городов губернии, но в связи с угрозой распространения инфекционных заболеваний и переполненностью приютов, было принято решение открывать отдельные детские дома. В Смоленске появился специализированный детский приют с соответствующим названием – «Дети Поволжья». Средства на его содержание поступали в том числе от фронтовой комиссии Помгола, которая была образована при Западном фронте [13, л. 46]. Положение детей было чрезвычайно тяжелым, но по сравнению с другими местами содержания, он считался образцовым. Количество детей превышало запланированные места для размещения, поэтому в небольших комнатах ютились по 20 человек. Не хватало детских кроватей и спальных принадлежностей, в связи с чем на одном спальном месте размещались до 4 человек. Питание детей было минимальным. Катастрофически не хватало детской одежды, что было связано не только с отсутствием финансовых средств, а с дефицитом самой детской одежды в продаже и ткани для ее пошива. В отчетах сообщалось, что дети «совершенно раздеты», отсутствовала теплая одежда, обувь, «белье на детях грязное», «дети подвержены вшивости и заболеваниям» [23, л. 139].

Состояние эвакуированных в Смоленскую губернию детей могло существенно от-

личаться. Среди беженцев были чрезвычайно изнеможенные и больные. Инфекционные заболевания распространялись со стремительной скоростью. Среди болезней – разного рода заболевания ЖКТ, чесотка, сыпной тиф, легочные заболевания. Острой была опасность распространения инфекций и заражения всех детей. Для решения этой проблемы зимой 1921 г. был поднят вопрос об открытии изоляторов и коллекторов-распределителей [12, л. 8]. Потребовался год, чтобы согласовать все процедуры, связанные с передачей собственности под эти нужды, проведением ремонта, выделением персонала. Изолятор был рассчитан на 30 детей от 1 до 4 лет [12, л. 35].

В связи с тем, что количество прибывавших детей значительно превышало плановые цифры, одним из самых острых был вопрос организации питания детей. Если эвакуированные взрослые, семьи с детьми не обеспечивались бесплатным питанием, то все дети, размещенные в учреждениях губернии, снабжались таковым. Для обеспечения их питанием стали открываться временные питательные пункты [12, л. 8].

Средства на содержание детей поступали из общих сумм, собранных местными властями в пользу голодающих Поволжья. Самой крупной зарубежной организацией по оказанию помощи эвакуированным детям Поволжья в 1921 – середине 1923 г. в Смоленской губернии стала Американская администрация помощи (АРА) [2, с. 3]. Ближайшие представительства АРА размещались в Витебске и Минске [13, л. 41]. В первую очередь детские учреждения снабжались продуктовыми пайками, а также комплектами детского белья, обувью [13, л. 48, 80, 85; 20, л. 59–60]. Первый транш помощи состоял из 120 продуктовых пайков и 500 комплектов детской одежды. Размер продуктового пайка рассчитывался в качестве дополнительного источника питания и включал продукты на 700 ккал ежедневно, среди которых значились мука, молоко, сахар, какао, рис, масло, бобы [2, с. 5]. Наиболее ценными были комплекты детской одежды. Особый пошив детских рубашек, выдаваемых АРА, закрепил в обиходе наименование детской одежды «рубашка АРА». Однако заявок на оказание гуманитарной помощи от Смоленской губернии было настолько много, что

28 июня 1923 г. представительница АРА в Москве Ю. Брайсон отвечала, что «нет возможности» оказывать помощь детским учреждениям Смоленска [13, л. 178].

Количество детей-сирот стремительно увеличивалось. С конца 1921 г. в приюты Смоленска все чаще стали обращаться изнеможенные матери-беженки, которые были не в силах прокормить своих детей [24, л. 2–6]. Отказ от ребенка и его определение в приют фактически спасало ему жизнь от голода. Организация быта, питания беженцев с детьми была устроена гораздо хуже, чем содержание детей-сирот. В связи с этим многие родители для спасения жизни своих детей предпочитали отдавать их в детские дома и приюты [24, л. 5]. Показательна история беженки Е. Каплуновой. Не имея возможности прокормить себя и троих малолетних детей, в Смоленске она стала торговать самогоном. Женщина была арестована, осуждена за трудовое дезертирство и определена на принудительные работы. В своем ходатайстве в подотдел охраны материнства и младенчества она просила: «Положение мое безвыходное... Мне не с кем оставить детей, прокормить я тоже их не могу, так как день мне придется выполнять общественные работы» [24, л. 26–29]. Дети были определены в приют.

Детские приюты были организованы при различных предприятиях и организациях. В Смоленске для детей Поволжья были открыты: Детский дом Реввоенсовета (120 детей), детский дом Губсоюза (40 детей), детский дом 3-й пехотной школы (20 детей), приют батальона войск ВЧК им. Держинского (40 детей) и приют связи войск Запфронта (35 детей) [3, с. 5].

Всех детей-сирот, прибывавших из голодающих регионов, не удавалось разместить в губернском городе, поэтому детей распределяли на группы и направляли в уездные города [23, л. 2]. Финансовое бремя в этом случае ложилось на уездные комиссии помощи. Крупнейший распределительный пункт детей был открыт в Рославле («Детский сангородок») был рассчитан на 2 000 детей. Из коллектора детей направляли в детские дома губернии. В отдельных уездах положение детей было настолько катастрофичным, что не хватало даже хлеба [17, л. 5]. В отчетах нередко

встречались сообщения, что вплоть до глубокой осени дети ходили босиком.

Значительное число детей поступило в Горецкий уезд. Уездные власти были не готовы к принятию 1 019 детей Поволжья. По сообщениям уездной комиссии, содержание детей было катастрофическим: «Более одной пары белья и одного костюма никто из детей не имеет. При мытье платьев и белья дети сидят, закутавшись в одеяла по двое вместе. Пальто имеется одно на несколько десятков детей. Обувь редкая вещь в детском доме» [17, л. 5]. Дети не могли посещать школу по причине отсутствия одежды и обуви. Уровень заболеваний и смертности был таков, что только за одно лето 1922 года 3 руководительницы детского дома «умерли на своих местах» из-за сыпного тифа [17, л. 5 об].

Сохранились документы Гжатского и Бельского уездов, которые позволяют восстановить алгоритм работы с прибывавшими детьми [21, л. 127]. В ноябре 1921 г. в Гжатск организованно были направлены 50 детей из Поволжья, 10 детей прибыли в город «самотеком». Было принято решение организовать специализированный детский дом для беженцев. Специальная комиссия начала активно собирать средства на эти цели. Основным источником явились общественные пожертвования, которые носили добровольно-принудительный характер. Так же, как и в других регионах, началась агитационная работа, была открыта «Неделя голодающего ребенка». В городе распространялись подписные листы на «жертвования», всех мельников уезда фактически обязали сдавать продналог в пользу детского дома, к агитации активно были привлечены образовательные и культурные учреждения города. Из 50 детей 16 были отданы на попечение в семьи. В открытый детский дом поступило 37 ребенка, затем еще 50 детей. Обеспечение детей было чрезвычайно скудным. Дети детского дома «Поволжье» в г. Белом не имели теплой одежды и обуви, поэтому с наступлением холодов не выходили на улицу, не могли посещать школу, постоянно проводя время в тесной комнате [23, л. 34].

Детей направляли не только в детские дома, но и в уже функционировавшие детские колонии. К примеру, в Трегубовскую детскую

колонию (Духовщинский уезд) было направлено 10 детей из Поволжья [21, л. 238].

Экстренной мерой заботы о детях Поволжья, по той или иной причине лишившихся родителей, являлась «выдача» их «на воспитание отдельным гражданам» [11, л. 96]. Было предусмотрено определение детей на временное или постоянное воспитание. В сельской местности была распространена практика, когда детей отдавали в крестьянские семьи для выполнения сезонных работ на летний период. При этом никто не контролировал содержание детей и обращение с ними, детей использовали как бесплатную рабочую силу. Распределение детей происходило по личным заявлениям просителей, которые направлялись в подраздел правовой защиты детей. Просителями могли быть как семейные, так и несемейные мужчины и женщины. Отсутствуют также общие статистические данные на детей, отданных частным лицам.

Уровень смертности детей был высоким, однако установить его не представляется возможным по причине отсутствия общих данных. В архивных документах сохранились отрывочные сведения по отдельным учреждениям, но в связи с постоянным движением детей определить процент смертности по сохранившимся данным практически невозможно.

Проблема реэвакуации. Серьезным испытанием для региона стала организация отправки беженцев обратно на родину [19, л. 4, 30]. С лета 1922 г. в губернии стали формироваться первые составы по возвращению беженцев [10]. Составов катастрофически не хватало. В Смоленске, как важном железнодорожном узле, стало скапливаться значительное число беженцев, следовавших из территории Белоруссии. Ситуация обострилась с февраля 1923 г. со значительным ростом числа желавших вернуться на родину, которые прибывали бессистемно из уездов и ближайших губерний. Многие из них, особенно женщины и дети, были чрезвычайно истощены. По подсчетам комиссии, к апрелю 1923 г. на вокзалах Смоленской губернии скопилось не менее 800 беженцев [16, л. 123]. Беженцы, имевшие средства, отправлялись за свой счет по льготному тарифу, остальные бесплатно, за счет средств Помгола [10, л. 3]. Некоторые семьи выражали желание остаться в Смолен-

ске. Особо тяжелая ситуация складывалась с организацией реэвакуации детей, которая растянулась на несколько лет. Местные власти не располагали достаточными ресурсами для массовой отправки детей к месту их жительства. Согласно инструкциям, все дети Поволжья, находившиеся в приютах Смоленска, разделялись на 2 группы: имевшие связь с малой родиной и дети, не имевшие родственников в голодающих губерниях. Первая группа детей подлежала отправке, вторая – оставалась в приютах Смоленской губернии [18, л. 38]. Реэвакуация происходила на основании данных личных карточек, в которых была указана информация о родителях и родственниках с адресами их проживания [18, л. 141]. Если у ребенка сохранялась хоть какая-то связь с малой родиной (живые родители или родственники), то его реэвакуировали. При этом не было никакой гарантии, что по прибытию ребенок воссоединялся с родственниками, так как карточки составлялись на момент эвакуации детей в Смоленскую губернию. Одной из проблем явилась «потеря» детей. В адрес Смоленских властей поступали многочисленные запросы родителей, разыскивавших своих детей, эвакуированных из Поволжья. Дети, не имевшие связи с малой родиной, оставались в приютах Смоленска. Специальные приюты для детей Поволжья со временем расформировывали, детей распределяли по общим детским домам и колониям губернии. Особенно острой была проблема борьбы с беспризорностью в губернии в последующие годы [22]. Среди беспризорников было большое количество детей из Поволжья, лишившихся родителей и сбежавших из детских приютов.

Результаты. Микроисторический анализ материалов регионального архива показал, что процесс эвакуации населения в урожайные районы проходил в чрезвычайно сложных условиях. Разработанный централизованно план привязки голодающих губерний к урожайным вышел из-под контроля в первые месяцы эвакуации. Смоленская губерния, являясь важнейшим железнодорожным узлом, столкнулась с массовым и неконтролируемым наплывом беженцев. Региональные материалы показали, что положение многих семей, эвакуированных в Смоленскую губернию, мало

чем отличалось от их жизни в Поволжье. Основные усилия в регионе были брошены на организацию социальной работы с эвакуированными детьми. Число прибывших детей было в 2 раза больше планируемых значений. Работа с эвакуированными детьми стала серьезным испытанием для органов местной власти прежде всего потому, что содержание прибывавших в губернию должно было полностью финансироваться регионами. Новая система социальной работы по охране материнства и детства не была до конца сформирована. Впервые была опробована новая модель благотворительности, которая состояла в массовом и обязательном участии всех групп населения. Основными методами работы с детьми были: размещение их в специализированных детских домах, открытие отраслевых детских домов, которые содержались соответствующими организациями и предприятиями, открытие изоляторов и распределителей, определение детей на патронатное воспитание. Широкое распространение получил вынужденный отказ родителей-беженцев от детей с целью спасения их от голодной смерти. Практиковалась временная отдача детей в крестьянские семьи для сельскохозяйственных работ. Бюрократические проволочки, межведомственная несогласованность, халатность на местах приводила к плохому обеспечению детей питанием и одеждой. Косвенные данные свидетельствуют о высокой детской смертности. Многие дети остались в приютах Смоленска и не были реэвакуированы. Проблема детской беспризорности и организации функционирования детских приютов стала одной из центральных в социальной работе по охране материнства и детства в регионе в последующее десятилетие. Организация социальной помощи эвакуированным семьям и детям в экстренных условиях оказала влияние на выстраивание социальной политики советского государства в отношении охраны материнства и детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадмаева Е. Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. №4. С. 47–59.

2. Выходцев С. Помощь иностранцев голодающим детям Поволжья. М.: Тип. М.Г.С.Н.Х., 1922. 14 с.

3. Дети Поволжья в Смоленской губернии // Смоленская новь. 1922. № 1. С. 4–5.

4. Деткомиссия помощи голодающим в Смоленске // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 15. 86 л.

5. Макеева Е. Д. Социоприродные аспекты причин и следствия голода 1921–1923 гг. // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 170–175.

6. Изъятие церковных ценностей // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 36. 23 л.

7. Именной список детей Дома ребенка // ГАСО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 8. 68 л.

8. Карточки детей, эвакуированные из голодающих местностей // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 41. 321 л.

9. Карточки детей, эвакуированных из голодающих местностей // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 24. 380 л.

10. Комиссия по отправке беженцев // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 37. 412 л.

11. Копии циркуляров Центральной комиссии помощи голодающим // ГАСО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1. 653 л.

12. Материалы о работе приюта-распределителя детей из Поволжья // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 532. 123 л.

13. Материалы о состоянии детских домов // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 627. 341 л.

14. Мицюк Н. А. «От теории к практике, от центра к периферии»: охрана материнства и младенчества в регионах советской России в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 1. С. 62–86.

15. Никонова О. Ю., Кравченко Е. В. Современная историография российского детства «эпохи катастроф» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 47–55.

16. Обезженцах // ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 28. 285 л.

17. О детях Поволжья // ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 8. 87 л.

18. О детях приюта // ГАСО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 9. 173 л.

19. Общежитие беженцев Гусарских казарм // ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 29. 159 л.

20. Организация недели по охране материнства и младенчества // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 766. 254 л.

21. Отчеты уездных комиссий Помгола // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 33. 397 л.

22. Переписка о борьбе с беспризорностью // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 2. Д. 229. 187 л.

23. Переписка о детях Поволжья // ГАСО. Ф. Р-1327. Оп. 1. Д. 12. 312 л.

24. Переписка с Домом ребенка // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 531. 290 л.

25. Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгогр.: Волгогр. науч. изд-во. 2007. 735 с.

26. Поляков В. А. Голод в Поволжье: первый опыт государственной помощи в 1921 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 12. С. 18–32.

27. Постановление IX Всероссийского съезда советов от 24.02.1922. № 51 // Известия ВЦИК. 1921. 30 дек.

28. Протоколы заседания чрезвычайной комиссии о положении беженцев // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 248. 267 л.

29. Резолюции 1-3 съезда по охране здоровья детей // ГАСО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 75. 176 л.

30. Сажина Н. С. Помощь беспризорным детям в голодные годы (1921–1925) на Урале // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2010. № 1. С. 84–89.

31. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2015. 401 с.

32. Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917–1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. С. 226–245.

33. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. 1207 с.

34. Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг.) // Эхо веков. 2016. № 3-4. С. 71–78

35. Филимонов А. В. Дети Поволжья в Псковской губернии // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2018. № 49. С. 110–118.

36. Хабибулин А. Голод 1921–1923 гг. глазами жителей Татарских сел Саратовского Заволжья // Родной край. Казань. 2022. №3-4. С. 75–86

37. Хайруллина А., Валиахметов А. «Принять детей не можем, детдома переполнены» // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2012. № 1-2. С. 68–71.

38. Kirschenbaum L. A. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. N. Y.: Routledge Falmer, 2001. 232 p.

1921 and 1933]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2010, no. 4, pp. 47-59.

2. Vyhodcev S. *Pomoshh inostrancev golodajushhim detjam Povolzhja* [Foreigners' Aid to Starving Children of the Volga Region]. Moscow, Tip. M.G.S.N.H., 1922. 14 p.

3. *Deti Povolzh'ja v Smolenskoj gubernii* [Children of the Volga Region in the Smolensk Province]. *Smolenskaja nov*, 1922, no. 1, pp. 4-5.

4. *Detkomissija pomoshhi golodajushhim v Smolenske* [Children's Commission for Famine Relief in Smolensk]. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 15. 86 l.

5. Makeeva E.D. *Socioprirodnye aspekty prichin i sledstvija goloda 1921–1923 gg.* [Socio-Natural Aspects of the Causes and Consequences of the Famine of 1921–1923]. *Samarskij nauchnyj vestnik*, 2023, vol. 12, no. 1, pp. 170-175.

6. *Izjatie cerkovnyh cennostej* [Seizure of Church Valuables]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 36. 23 l.

7. *Imennoj spisok detej Doma rebenka* [Nominal List of Children of the Children's Home]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-460, inv. 1, d. 8. 68 l.

8. *Kartochki detej, evakuirovannye iz golodajushhih mestnostej* [Cards of Children Evacuated from Starving Areas]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 41. 321 l.

9. *Kartochki detej, evakuirovannyh iz golodajushhih mestnostej* [Cards of Children Evacuated from Starving Areas]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 24. 380 l.

10. *Komissija po otpravke bezhencev* [Commission on Sending Refugees]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 37. 412 l.

11. *Kopii cirkuljarov Centralnoj komissii pomoshhi golodajushhim* [Copies of Circulars of the Central Commission for Famine Relief]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1320, inv. 1, d. 1. 653 l.

12. *Materialy o rabote prijuta-raspredelitelja detej iz Povolzhja* [Materials on the Work of the Shelter-Distributor of Children from the Volga Region]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 532. 123 l.

13. *Materialy o sostojanii detskih domov* [Materials on the State of Orphanages]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132. inv. 1. d. 627. 341 l.

14. Mitsyuk N.A. «Ot teorii k praktike, ot centra k periferii»: ohrana materinstva i mladenchestva v regionah sovetskoj Rossii v 1920-e gody [From Theory to Practice, from the Center to the Periphery: Protection of Motherhood and Infancy in the Regions of Soviet Russia in the 1920s]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija*, 2023, no. 1, pp. 62-86.

REFERENCES

1. Badmaeva E.N. *Golod v Nizhnem Povolzhye v 1921 i 1933 gg.* [Famine in the Lower Volga Region in

15. Nikonova O.Ju., Kravchenko E.V. *Sovremennaja istoriografija rossijskogo detstva «epohi katastrof»* [Modern Historiography of Russian Childhood “Epoch of Catastrophes”]. *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: socialno-gumanitarnye nauki*, 2021, no. 3, pp. 47-55.
16. O bezhencah [About Refugees]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 28. 285 l.
17. O detjah Povolzhja [About the Children of the Volga Region]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 8. 87 l.
18. O detjah prijuta [About the Children of the Orphanage]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-460, inv. 1, d. 9. 173 l.
19. Obshhezhitie bezhencev Gusarskih kazarm [Hostel of Refugees of Hussar Barracks]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 29. 159 l.
20. Organizacija nedeli po ohrane materinstva i mladenchestva [Organization of the Week for the Protection of Motherhood and Infancy]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 766. 254 l.
21. Otchety uezdnyh komissij Pomgola [Reports of the County Commissions of Pomgol]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 33. 397 l.
22. Perepiska o borbe s besprizornostju [Correspondence About the Fight Against Homelessness]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 2, d. 229. 187 l.
23. Perepiska o detjah Povolzhja [Correspondence About the Children of the Volga Region]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-1327, inv. 1, d. 12. 312 l.
24. Perepiska s Domom rebenka [Correspondence with the Children’s Home]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 531. 290 l.
25. Poljakov V.A. *Golod v Povolzhje, 1919–1925 gg.: proishozhdenie, osobennosti, posledstvija* [Famine in the Volga Region, 1919–1925: Origin, Features, Consequences]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2007. 735 p.
26. Polyakov V.A. *Golod v Povolzhje: pervyj opyt gosudarstvennoj pomoshhi v 1921 g.* [Volga Region: First Experience of State Aid in 1921]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2007, no. 12, pp. 18-32.
27. Postanovlenie IX Vserossijskogo syezda sovetov ot 24.02.1922. № 51 [Resolution of the 9th All-Russian Congress of Soviets of Feb. 24, 1922. No. 51]. *Izvestiya VTSIK, 1921, Dec. 30.*
28. Protokoly zasedanija chrezvychajnoj komissii o polozhenii bezhencev [Minutes of the Meeting of the Emergency Commission on the Situation of Refugees]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 248. 267 l.
29. Rezoljucii 1-3 syezda po ohrane zdorovja detej [Resolutions 1-3 of the Congress on the Protection of Children’s Health]. *GASO* [State Archive of the Smolensk Region], f. R-132, inv. 1, d. 75. 176 l.
30. Sazhina N.S. *Pomoshh besprizornym detjam v golodnye gody (1921–1925) na Urale* [Assistance to Street Children in the Hungry Years (1921–1925) in the Urals]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija*, 2010, no. 1, pp. 84-89
31. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940* [Children of the Soviet Country: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917–1940]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2015. 401 p.
32. Smirnova T.M. «Luchshe vyvesti i rastreljat»: Sovetskaja vlast i golodnye deti (1917–1923 gg.) [“It Would Be Better to Withdraw and Shoot”: Soviet Power and Hungry Children (1917–1923)]. *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovanij*, 2003, pp. 226-245.
33. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitelstva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of Laws and Government Orders for 1921. Administration of Affairs of the USSR Council of People’s Commissars]. Moscow, 1944. 1207 p.
34. Fedotova A. «My s pereseleniem uzhasno provalilis» (Evakuacija kak odin iz vidov pomoshhi golodajushhim TASSR v 1921–1923 gg. [“We Failed Terribly with Resettlement”] (Evacuation as One of the Types of Assistance to the Starving of the TASSR in 1921–1923)]. *Ekhho vekov*, 2016. no. 3-4, pp. 71-78.
35. Filimonov A.V. *Deti Povolzhja v Pskovskoj gubernii* [Children of the Volga Region in Pskov Province]. *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal*, 2018, no. 49, pp. 110-118.
36. Habibulin A. *Golod 1921–1923 gg. glazami zhitelej Tatarskih sel Saratovskogo Zavolzhja* [Famine of 1921–1923 Through the Eyes of the Inhabitants of the Tatar Villages of the Saratov Volga Region]. *Rodnoj kraj. Kazan*, 2022, no. 3-4, pp. 75-86.
37. Khairullina A., Valiakhmetov A. «Prinjat detej ne mozhem, detdoma perepolneny» [“We Cannot Accept Children, Orphanages Are Overcrowded”]. *Gasyrlar avazy. Eho vekov*, 2012, no. 1-2, pp. 68-71.
38. Kirschenbaum L.A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York, Routledge Falmer, 2001. 232 p.

Information About the Author

Natalia A. Mitsyuk, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Krupskaya St, 28, 214019 Smolensk, Russian Federation; Leading Researcher, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, ochlokratia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9862-1272>

Информация об авторе

Наталья Александровна Мицюк, доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, ул. Крупской, 28, 214019 г. Смоленск, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, ochlokratia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9862-1272>